

Дмитрий Владимирович Аникин

Скучная история

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Дмитрий Аникин
Скучная история

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Аникин Д. В.

Скучная история / Д. В. Аникин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Скучная история о жалком кладбищенском стороже, его друге — попе Питириме, опасных инопланетных сущностях и особенностях стихосложения, если на кладбище и старинными размерами. Мистика — не мистика, фантастика — не фантастика. Книга написана классическим античным одиннадцатисложником (гендикосиллабом), который по-русски получается спокоен и гибок. Содержит нецензурную брань.

Скучная история

1

*Ах ты, горе-злосчастье, мне на долю
ох какое крученое досталось
да верчѐное, сука, непростое!
Ты в семи солях, горе, натиралось,
ты в семи водах, горе, кипятилось,
на семи ветрах, горе, продувалось.
А и жить без тебя мне невозможно,
а с тобою меня со свету гонят.*

2

А мне, молодцу, на чужой сторонке
потихоньку жилось, не голодалось;
при кладбище сторожка, подносили
ради праздника, ради поминанья,
а подкрась где забор, поправь маленько –
вот и выйдет доход уже не стыдный;
кое-что я откладывал на книги.

3

Да, я с детства учен науке книжной,
оттого и болит башка, кружится,
оттого и глаза я измозолил
о листы – желтизну их, старость, ломкость.
О божественном редко увлекался,
а все больше стихи: Третьяковский,
Сумароков, Державин или дальше –
Кантемир и силлабики древнее.

4

Вот так пропасть с людьми и начиналась.
Им смешон я, а мне смерть с ними скучно –
я всегда удивлялся, как попали
мы в одни времена... и кто здесь лишний...
Вероятно, они: вся их убогость!
Кто бы мог в моем образе надменность
заподозрить! А я надменный очень.
Сколько яду под сердцем! Им, подспудным,
и писал, меня не публиковали...
Ненавидел страну, народ, эпоху!

5

Думы думал, мечтательно шатался
по кладбищу – а что, тут тоже люди.
Я заглядывался на камни, даты,
я себя представлял с такими вместе
в разговорах, в делах, в эпохах лучше,
я прикидывал даты, чтоб побольше
их разлет. Я устроился работать:
сторожить, выдавать метелки, грабли.
Если жертвовать, то не интеллектом.

6

А церковным вином со мной делился
Питирим-отец из ближайшей церкви –
тоже червь наш, кладбищенский, приятель
упокойников, в небесах радеть
за их путь беспрепятственный к вершинам.
Я еще ничего, а он запойный:
что кагор ему? – Тлен! Он больше водку,
мне пол-ящика: "На, брат, упивайся.
А башка если утром как дом скорби,
то так Бог по грехам твоим отмерил".

О чем только с попом не говорили!

7

А что женщины? Мой немногий опыт
ран особых на сердце не оставил.
Так, чтоб только яснее представлялись
по ночам мне видения такие,
что уснувшую душу будоражат,
те, что пачкают руку, сон и простынь,
вдохновляют на лирику поэта, –
а вещественность мало удавалась.

8

Я гулял по кладбищенским аллеям,
о любви женской тихо сочиняя,
и казалось, что мысль моя не только
подбирает слова, на рифмы нижет,
но покойниц немногих беспокоит –
тех, кого б я любил, будь они живы.
А сейчас что? Не те же ли что чувства
в глубине души? Может, только чище!

9

Девы, женщины, тут вы после смерти
так лежмя и лежите, меня ждете;
думы только о вас сейчас и ночью,
вашу смерть я, ваш друг, благословляю:
все другие, живые, за забором,
мне чужды, им чудак не интересен,
полоумный кладбищенский философ,
а вы тут не измените-сбежите.

10

Сколько вас тут, красавиц, девиц, умниц,
и с характером каждая особым!
Уяснить чтоб, опору дать для мысли,
я ищу по кладбищенским архивам,
я приходские книги изучаю,
я додумываю, где глухо, пусто,
я о каждой всю жизнь подробно знаю,
как никто вас не знал тогда... до смерти.

11

Фотографию каждую на камне
тряпкой, ветошкой нежно протираю,
имена дорогие повторяю.
Спите, спите до радостного утра!
Вот тогда мы пройдемся с вами вместе
до ворот, чтоб наружу путь обратный
в мир живых, и оставите меня, и,
погуляв день-другой, ко мне вернетесь,
потому что любви нет выше, чище...

12. 1830 – 1851

Вот купчиха: щедра, чуть-чуть наивна,
все об рае, об аде рассуждает,
полтора года лет лежа между ними.
Умерла от чего, ведь с молоком кровь?

За наследство дядя ее убили –
а мечтала о смелом, о богатом,
а вот трусы и нищие пришли к ней
на поминки, напились да подрались,
одного дядьку насмерть и зашибли,
два других по Владимирке, за брата.
О тебе, бедной, суд даже не вспомнил.

13. 1914 – 1944

Вот замерзшая в холоде, в тревоге
ночи долгой, военной, не стерпела
до победы – а впрочем, таким бледным
что такое победа? Все равно ведь
гибнуть запросто: не в такой России
жить в невинности этакой, теряться
от тычков и от хохота народа;
ну а тут холмик свой да крестик жалкий –
хоть такой ответ хамской их эпохе.

14. 1989 – 2011

Вон недавняя жертва: собирали
по частям тело бито-перебито
у наездницы – всмятку с мотоцикла
на Кутузовском, ночью, спяну, сдуру.
Сколько зла в ней осталось, сколько резвой
прыти, жара – и всё в могилу клали!
Оттого и цветы любые вянут,
камень голый стоит – и треснул камень.
Недожитая жизнь томит, тревожит.

15

Собеседницы вы мои, подруги,
собутельницы, когда, если надо;
малый круг разговоров повторяем,
по тропинкам заметанным гуляем,
то листву, а то снег мне. Жалость ваша
возвышает меня и охраняет,
без нее что такого мне поделать?
Только книги, но в них не вся ведь правда,
и *живое* общенье нужно сердцу.

16

Скоро месяц ноябрь туч понагонит,
да и так уже слякотно и трудно
там, где камня нет, твердого асфальта,
проходить – я по щиколотку вязну,
и все реже у мертвых визитеры.
Так и лучше: пусть меньше мне доходов,
а важнее всего покой и воля.
Пью чуть больше, погода позволяет.

17

Привезли под ворота, дверь открыли
внедорожника черного, спихнули

груз вдвоем, матернулись (было слышно),

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.